

2. Див. додатки І. Я. Франка до праці І. Огієнка «Огляд українського языкознання» // ЗНТШ. – 1907. – Т. 79/80.
3. Баймут Т. В. Пути возникновения, развития и становления грамматической терминологии восточных славян. – Житомир, 1958.
4. Москаленко Н. А. Нарис історії української граматичної термінології. – К., 1959; Москаленко Н. А. Нарис історії української пунктуаційної термінології. – Одеса, 1959.
5. Німчук В. В. Мовознавство на Україні в XIV – XVII ст. – К., 1985. – С. 215 – 222 «Покажчик давніх слов'янських філологічних термінів».
6. Регушевський Є. С. Роль І. Я. Франка в розвитку української мовознавчої термінології // Славянська лінгвістична термінологія. Сборник статьи. – І. – Софія, 1962. – С. 85 – 91; Регушевський Є. С. Языковедческая терминология И. Я. Франко в свете его лингвистических взглядов. – АКД. – К., 1963.
7. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Русский язык в школе. – 1951. – № 2. Про подвійний зв'язок словотвору з лексикологією та граматику говорить В. В. Виноградов і у написаному ним розділі для книги «Современный русский язык. Морфология (курс лекций)». Изд. МГУ, 1952, С. 44.
8. Ковалик І. І. Про деякі питання слов'янського словотвору. – Львів, 1958; Ковалик І. І. Вчення про словотвір. – Львів (в. 1 – 2), 1958, 1961.
9. Словотвір сучасної української літературної мови. – К., 1979; Дослідження з словотвору та лексикології // Збірник наукових праць. – К., 1985. Варто відзначити, що в академічному «Курсі сучасної української літературної мови» (т. I / За ред. академіка Булаховського Л. А. – К., 1951) словотвір та словозміна вважаються частинами морфології. «...В морфології при вивченні слова розрізняють словотвір, що охоплює морфологічні елементи, які формують лексичне значення граматично виражених понять, так звані словотворчі елементи, і словозміну, що вивчає зміни закінчень або, рідше, основи слова, так звані словозмінні елементи, які показують зв'язки даного слова з іншими в реченні, тобто визначають його синтаксичну функцію» (с. 343 – 344).
10. Частиною морфології кваліфікується словотвір і в академічному виданні «Сучасна українська літературна мова. Морфологія» / За загальною редакцією акад. АН УРСР Білодіда І. К. – К.: Наукова думка. – 1969. «Морфологія – це наука про словотвірну будову слова, парадигматичну систему мови і граматичні (морфологічні) категорії» (с. 15).
11. Осадца М. Грамматика русского языка. – Львів, 1864; Шашкевич Г. Мала грамматика языка русского. – Вѣдень, 1864; Дячан П. Методична грамматика языка мало-русского. – Львів, 1865.
12. Термін «приросток», але у значенні «префікс» вживався в українському мовознавстві ще до кінця 50-х – початку 60-х років ХХ ст. Див. Курс сучасної української літературної мови (т. 1 // За ред. академіка Булаховського Л. А. – К., 1951, с. 293).
13. Партицький О. Грамматика русского ззыка. – Львів, 1871.
14. Огоновський О. Studien auf dem Gebiete der ruthenische Sprache. – Львів, 1880; Огоновський О. Грамматика русского языка для школь середнихъ. – Львів, 1889.
15. Термін «наростокъ» у значенні «суфікс» згадується у «Курсі сучасної української літературної мови» (т. I // За ред. академіка Булаховського Л. А. – К., 1951, с. 293).
16. У нашому користуванні «Грамматика руської мови. Уложили Степан Смаль-Стоцький Федір Гартнер. Третє перероблене виданє. – Відень, 1914».
17. Українська мова. Енциклопедія. – К., 2000. – С. 580.
18. Панко Т. І. і ін. Українське термінознавство. – Львів, 1994. – С. 6 – 20, 89 – 110 і ін.

Гадеєв А.В.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В начале XXI века в вопросах войны четко обозначились две тенденции, внушающие одновременно оптимизм и тревогу. Позитивные сдвиги последних лет XX века в отношениях между государствами породили ожидания «мирной эпохи», расширили возможность одолеть такое зло, как война. Однако, великие державы вместо того, чтобы ухватиться за благоприятную возможность и перейти к решительной демократизации, сохранили (когда скрытно, а когда и открыто) преимущественно традиционные подходы к военному строительству, характерные для времен разгара «холодной войны», когда наиболее быстро развивалась материально-техническая база войны, военная мощь государств. Собственно, от этого, по существу, мало чем отличаются и первые годы XXI века. Вооруженные силы и вооружения приобрели чудовищную истребительно-разрушительную силу, способную уничтожить жизнь на Земле.

Исходя из того, что во второй мировой войне погибло в 5 раз больше людей, чем в первой и каждая последующая крупная война с применением только обычного оружия способна (это подтвердили исторические реалии) привести к 4–5 кратному увеличению числа погибших, можно гипотетически предположить, что в третьей мировой войне может погибнуть не менее 250–500 млн. человек! Оказались бы подорваны сами условия существования человечества, оно обрелось бы на вымирание.

Результаты исследований войны последнего времени показывают, что ужасающий призрак ядерной войны, хотя и значительно удалился, но не исчез полностью и может вернуться. Тому доказательство и политическая практика лидеров США, Англии, считающие возможным применение так называемого

ядерного оружия «ограниченной силы», тактического применения. Возрастает опасность ядерного терроризма, региональных кризисов. Тем более, что в вооруженных силах ведущих государств уже сегодня внедряются новые технологии ведения боевых действий, исходя из установки на «решительную победу» в войнах XXI века.

В этих условиях возрастает роль теории войны. Она призвана на конкретном материале исторического прошлого и настоящего, объяснить место и роль войны в системе социальных отношений, ее специфику как особого вида отношений между различными социальными общностями, государствами. Особенно важно правильно понять позицию различных социально-политических систем, институтов и организаций, классов по отношению к войне, выявить ее «социально-политических родителей».

До сих пор остается, по сути, неисследованным влияние войны на эволюцию социальной сферы, политическую систему общества, на методы и формы управления обществом и государством.

Ученым мира предстоит еще серьезный анализ того, какие социальные и политические системы обеспечивают воспроизводство и развитие войны, предрасположены к использованию ее как средства ведения политической борьбы или, наоборот, способствуют ее предотвращению и исключению из жизни общества.

В этом контексте, несомненно, интересной представляется монография А.В. Гадеева «Вторая мировая война. Анализ западных концепций», изданная в Керчи в 2004 году.

На основе социально-философского анализа исследований зарубежных ученых, автором монографии рассмотрены теоретико-методологические основы изучения Второй мировой войны, основные концепции выявления ее сущности и содержания.

Плюрализм и противоречивость исследуемых концепций во многом определили и характер подхода автора монографии к их анализу, и содержание сделанных им выводов. Одним из выводов данной работы является положение о том, что взгляды западных авторов на сущность и содержание Второй мировой войны объединяет установка на защиту своих национально-государственных интересов. При этом они (западные авторы) не редко применяют подходы психологизирования и даже биологизирования войны, видя в ней либо проявление свойственной человеку, а значит, как они полагают, и человеческому сообществу, животной агрессивности, либо печальное выражение целенаправленной воли политиков. Несмотря на очевидные трудности квалификации западной литературы по вопросам Второй мировой войны, автору монографии удается выделить в ней два исходных течения: консервативное и либерально-критическое. Деление это, разумеется, в какой-то степени условно. В каждом из течений имеются свои тенденции; неравноценны и публикации – от новаторских, глубоких, осмысливающих огромный материал, до поверхностно-информационных. В целом же все они, как убедительно показывает автор монографии, концентрируют свое внимание на трактовку диктатуры Гитлера и Сталина, произвольно используя понятие «фашизм» не как социально-политический и морально-психологический феномен, «а как особое клеймо, после чего все рассуждения теряют смысл. Чаще всего к такому способу ведения дискуссии прибегают тогда, когда нет других убедительных аргументов». Это и вызывает сомнение в нравственности таких позиций. Более того, это вызывает протест в научном мире (и не только!) и в Украине, и в России, и в других странах СНГ.

«Для украинского и русского народов, и всех других народов бывшего СССР – это не предмет отвлеченного теоретизирования или произвольного выбора оснований для оправдания выгодных оценок, ... это прикосновение к еще не зажившим ранам, к тяжелым боям, к невосполнимым потерям, к тревогам об исторической судьбе всего их национально-государственного бытия». Автор монографии прав и тогда, когда утверждает, что есть, пожалуй, и другие, может быть более глубокие, причины обостренного внимания украинских и русских ученых к изучению и пониманию германского фашизма. В период сложных политико-экономических изменений на постсоветском пространстве и поляризации социальных сил обращение к истокам победы над германским фашизмом просто неизбежно. Изучение и объективное понимание такого исторического события позволяет сосредоточиться на главных предпосылках обеспечивающих национально-государственное и социальное единство как Украины, так и России, их военную, экономическую и духовную независимость.

Автор монографии рассматривает войну, вообще, и Вторую мировую войну, в частности, как сложный социально-культурный и социально-психологический феномен, как неизбежный результат самого жизнеустройства и жизненного уклада общностей людей. Поэтому для выявления сущности войны, нахождения соответствующих путей и средств ее предотвращения недостаточен, как это утверждают в своем большинстве западные исследователи теории войны, учет одних лишь атрибутов природы человека. Необходимо прежде всего и главным образом учет в комплексе социальных, социально-культурных, экономических, территориально-географических, политических и иных факторов существования человеческих сообществ.

Отсутствие такого комплексного подхода приводит западных теоретиков войны к трактовкам причин Второй мировой войны типа: это результат «...политики окружения Германии», проводимая англичанами и их союзниками, это результат «...слепого упрямства польских полководцев», «шахматной партии», которую разыгрывал идеолог «мировой революции» Сталин, «идеологии крестового похода» американского президента Рузвельта.

Автор убедительно показывает, что многие из западных исследователей войны, опираясь именно на данные причины, сознательно стремятся запутать сплетение неизбежного и случайного, спланированного и стихийного, определить или затуманить степень причастности или невинности отдельных политиков, стран, сообществ государств, извратить истинные отношения народов к войне. При этом опускаются вопросы, лежащие, так сказать, на поверхности. Почему, например, немецкий народ, который считался в на-

чале XX века самым образованным и прагматичным, явился орудием агрессивных сил, развязавших Первую и Вторую мировые войны? Каким образом японцы, славившиеся одним из самых миролюбивых и преуспевающих за счет этого народов, стали «народом-воином», возмечтавшим о господстве в восточном полушарии, и вернулись к миролюбию лишь после сокрушительного поражения 1945 года? Чем вызваны колебания десятков народов от мира к войне, затем с новыми надеждами к прочному миру и от них к «новому силовому мышлению»? От чего во второй половине 80-х годов, когда шла наступившая после Второй мировой войны «холодная война», США и СССР пытались решить вопросы уничтожения ядерного оружия до начала XXI века, а теперь когда исчезло великое противостояние Запада и Востока, ядерное разоружение считается недостижимым в обозримой перспективе, затормозилось сокращение сверхгигантских запасов вооружения, разворачивается новый тур его совершенствования? По каким причинам исчезают, казалось неистребимые после Второй мировой войны, антивоенные, вообще, и антиядерные, в частности, настроения общественности и политиков многих стран?

С учетом этих и других такого характера вопросов, автор данной монографии, рассматривая причины возникновения Второй мировой войны, различает собственно войну и антагонистические конфликты между господствующими политическими силами, государствами, в том числе конфликт блока фашистских государств с коалицией буржуазно-демократических стран, конфликт фашистской Германии с Советским Союзом, конфликт фашистских государств со странами антигитлеровской коалиции, конфликт СССР с Японией, приведшие к войне.

Западные теоретики частично признавая в своих работах такой подход, как справедливо подчеркивается в монографии, при анализе Второй мировой войны, в большинстве случаев, пытаются представить дело таким образом, что якобы виновником являются не господствующие политические силы, а лишь отдельные политические лица. В данном случае Гитлер. Анализ событий, приведших Англию, Францию и США к войне с фашистской Германией и странами, входящими в фашистский блок, чаще всего сводится к освещению истории внешней политики различных государств в межвоенный период. При этом проблемы внутренней политики затрагиваются весьма ограниченно.

В этом же контексте, рассматривая причины и сущность войны блока стран западных демократий против фашизма, многие западные теоретики ищут «корни» Второй мировой войны в действиях дипломатов, «импульсивных решениях» государственных деятелей, «взаимном недопонимании враждующих сторон», «недостаточной осведомленности» разведывательных служб. Известный английский ученый А. Стоксбери, например, считает неправомерным перекладывать всю полноту ответственности за развязывание Второй мировой войны только на Гитлера, дипломатии блока фашистских государств. Вина, подчеркивает он, в значительной степени лежит и на Великобритании и Франции, не помешавших Гитлеру и его сторонникам осуществить свои агрессивные планы.

Большой раздел рецензируемой монографии посвящен конфликту и войне между Германией и Советским Союзом, справедливо подчеркивая, что германо-советская война была для Германии и Европы важнейшим феноменом Второй мировой войны, влияние которого до сих пор отчетливо сказывается на современной политике.

Концепций этой войны много – война на уничтожение большевизма, война диктаторов, война за жизненное пространство, превентивная война, экстремистская война, «еще один шаг Германии в реализации своих геополитических планов». Обращаясь к характеру этой войны, западные исследователи пытаются навязать общественности вывод: характер системы на социалистическом Востоке обусловил характер и способ ведения политики и войны против него. «Законы и право здесь не приемлемы и, следовательно, нельзя говорить об их нарушении».

Отображение событий на Востоке, - отмечает германский исследователь теории войны Халькгрубер, - «влечет за собой в действительности целый ряд принципиальных вопросов, касающихся политики, методов ведения войны и «морали» в войнах на уничтожение». В его глазах, как и многих европейских и американских теоретиков войны, «сталинская Россия» стояла в одном ряду с гитлеровской Германией. А для иных репутация Советского Союза была еще ниже, поскольку сталинизм как государственная политика начался раньше фашизма. Автор монографии считает «наивным или лицемерным удивляться и негодовать» по поводу несговорчивости Англии и Франции в отношениях с Советским Союзом в 30-е годы. Причина этого не только «в непоследовательности, трусливости и близорукости лидеров этих стран», пошедших на Мюнхенский сговор, но и в том, что как политические деятели, так и общественность этих стран ставили знак равенства между СССР и фашистской Германией. В этом контексте следует учесть и отсутствие в этих странах объективной информации как о предвоенном Советском Союзе, так и его участии в войне против гитлеровской коалиции.

Количество литературы посвященной участию СССР во Второй мировой войне в странах Запада более чем невелико и в настоящее время. Сказывается антисоветская ориентированность многих военных исследователей. Играть роль также их национальные традиции – отстаивать позиции своих государств. Вместе с этим по-прежнему огромно количество работ, в которых необоснованное предпочтение отдается тихоокеанскому и североафриканскому театрам военных действий. Продолжают публиковаться и прямые фальсификации. Более того, отмечается в монографии, западные исследователи открыто сожалеют, что фашистскому блоку не удалось избежать войны с западными странами. Многие из них даже обвиняют руководящих деятелей США и Англии, особенно Рузвельта, в «политической близорукости», «предательстве интересов западных цивилизаций» и других подобных грехах, поскольку те не только пошли на заключение союза с СССР, но и остались верны ему до капитуляции фашистских государств. Лидерами в движении подобных идей являются представители американской школы военной теории, которые харак-

теризуются особой активностью и наступательностью, мастерством использования фактологического материала, плюрализмом подходов. Считают, что их характеристика международных отношений единственно объективна и отражает «глобальную оценку», не зависящую от «социальной природы» и «направленности» политики составляющих мировое сообщество государств.

Относительно оценки Второй мировой войны учеными Японии. В монографии приводится признание профессора токийского университета «Хосей» Т.Сато, высказанное на Международной конференции, проведенной Российской Академией наук в мае 2001 года «1941 год. Мир в огне. Новые документы, новые подходы». Оно сводится к тому, что объективно мыслящие ученые Японии рассматривают войну Советского Союза против фашистской Германии и ее союзников как «Главный фронт борьбы» во Второй мировой войне. Но вместе с тем, по понятным причинам, в Японии основное внимание уделяется событиям в Азии и войне на Тихом океане. По мнению Т.Сато, в первые послевоенные десятилетия японские ученые в целом объективно освещали вопросы Второй мировой войны, в частности, и войны, вообще. Однако в последние годы усилились попытки реабилитировать японскую агрессию в 30-40-х гг.

В монографии содержится и раздел «Генеральный план «Ост». Украина в планах Гитлера». Вынашивая бредовые мечты о мировом государстве, подчеркивается в монографии, на Востоке гитлеровцы видели для себя пресловутое «жизненное пространство». Особое место в своих захватнических целях они отводили Украине. Преступления, совершенные ими на украинской земле, чудовищны. Однако в работах европейских теоретиков войны борьба украинского народа против фашистской Германии во Второй мировой войне по существу, отсутствует.

И в этом разделе, как и во всех других разделах монографии А.В. Гадеев стремится наиболее полно отразить объективное содержание и сущность Второй мировой войны, показать роль важнейших социально-политических факторов в реализации настоятельной потребности уничтожить войну как социальное явление, видя разрешение возможных противостояний только в рамках агонистических конфликтов.

Обращая внимание на то, что происходит с источниками, материально-технической и социальной базой, содержанием войны, в современных условиях, автор монографии заключает, что задача ученых, общественности, государств и всех граждан состоит в том, чтобы сделать нашу планету лучше и безопаснее, обеспечить, чтобы XXI век стал веком мира.

Автор монографии стремится сделать книгу многоадресной, чтобы она могла представлять интерес как для профессионалов (политиков, ученых, исследующих Вторую мировую войну), так и для широкой массы читателей, студентов и преподавателей вузов.

Дашко Е.Л.

ЖАНР АНТИУТОПИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТЕМЫ В ВУЗЕ

Цель статьи заключается в разработке методических рекомендаций по изучению особенностей антиутопического жанра в английской литературе первой половины XX в.

Начало XX ст. ознаменовалось появлением романов-предостережений, которые со временем получили название антиутопий. Причиной появления таких произведений стали социальные катаклизмы, которые активизировали философскую и литературную мысль и привели к размышлениям о последствиях воплощения некоего утопического идеала в жизнь. В романах-предостережениях раскрывалась картина упадка общественной формации, основанной на жестокости и физическом насилии. Антиутопии стали своеобразной реакцией на тоталитаризм в разных формах его проявления.

В силу определённых обстоятельств в период существования Советского Союза романы-антиутопии не изучались в вузах, а советская литературная критика не уделяла им внимания в связи с запретом, который был снят только в 1987 г. Таким образом, в современном литературоведении вопрос об исследовании антиутопий довольно новый и требует более глубокого и детального рассмотрения. Кроме того, изучение романов-предостережений необходимо для воссоздания полной картины развития литературы в первой половине XX в.; для понимания тех литературно-философских тенденций, которые доминировали в культуре в этот период.

В связи с отсутствием учебных пособий, в которых бы системно рассматривался процесс формирования антиутопии, возникла потребность в разработке логически выстроенного материала по вопросу развития этого жанра, его особенностей и специфике функционирования в литературах отдельных стран.

Задача представленного изыскания связана с решением проблемы бытования антиутопий в английской литературе первой половины XX в.

Начало жанра антиутопии положил роман русского писателя Е.Замятина «Мы», который был написан в 1921 г. По причинам идеологического характера цензура не допустила его к печати, так как видела в нём критику на советское общество. Поэтому роман первоначально стал известен за границей: в 1924 г. он вышел в свет на английском языке в Нью-Йорке, затем был переведен на чешский и французский языки и издан в западноевропейских странах; и только в 1988 г. состоялась его публикация в Советском Союзе. История вхождения романа в литературный мир свидетельствовала о том, что своё первоначальное влияние он мог оказать только на зарубежного читателя. Новаторский характер произведения Е.Замятина, актуальность поднятых в нём проблем импонировали тем писателям, которые искали новую романную форму и новые средства в выражении своих идей. Опираясь на замятинскую структуру представил своё видение будущего в романе «О дивный новый мир» (1932) О.Хаксли. Увлёкся творчеством русского писателя и Д.Оруэлл, который в 1949 г. издал роман «1984», завершивший развитие антиутопии в первой половине XX в.